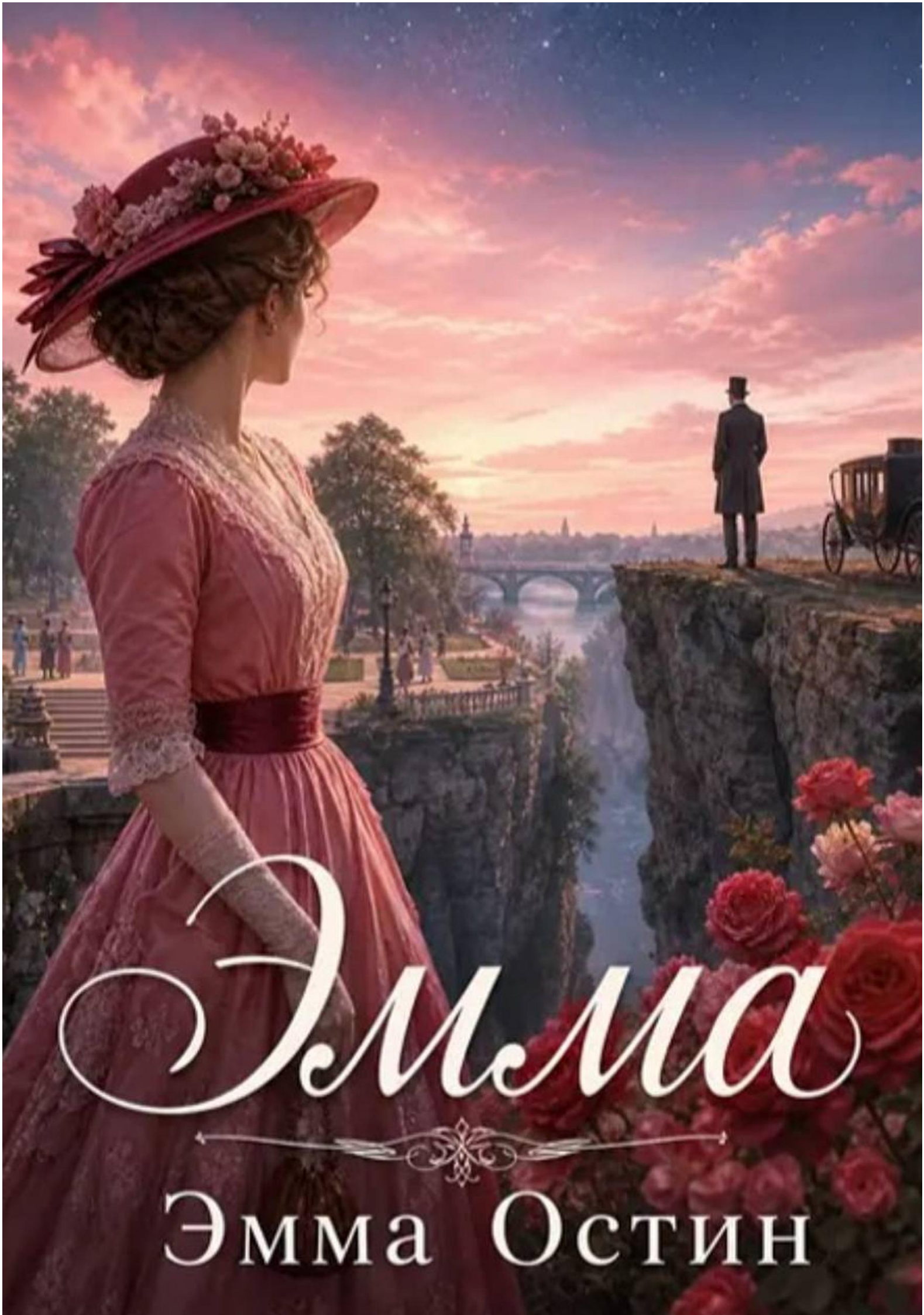

Эмма
Эмма Остин

Эмма Остин

Эмма

«Автор»
2026

Остин Э.

Эмма / Э. Остин — «Автор», 2026

Хьюстон на рубеже веков: визиты, балы, пикники и приданое, посчитанное до фунта. Эмма Смит остроумна, самоуверенна и свято верит, что разбирается в людях, пока не замечает, что смотрит на мужа лучшей подруги дольше, чем позволяют приличия.Хантер Уэсли безупречен и женат, и единственное, что он может ей предложить, это любовь без имени. Эмме предстоит узнать цену такому предложению: город прощает многое, кроме женщины, которая однажды решила жить по-своему.Роман нравов о чувстве, которое не помещается в правила, и о счёте, который приходится платить собственными руками.

© Остин Э., 2026
© Автор, 2026

Эмма Остин
Эмма

Глава 1. Платье цвета шампанского.

Эмме Смит было двадцать пять лет — возраст, в котором одни девушки уже считались почти пожилыми для замужества, а другие всё ещё уверяли окружающих, что не торопятся, потому что предпочитают сначала «узнать жизнь». Эмма относилась ко вторым, хотя втайне подозревала, что большинство людей просто не умели отличать независимость от отсутствия подходящего предложения.

Она была дочерью состоятельных родителей, жила в большом доме на окраине Хьюстона и обладала тем редким даром, который в приличном обществе ценился выше ума: Эмма умела выглядеть безупречно даже тогда, когда совершенно не понимала, что делает.

Дом Смитов стоял за низкой каменной оградой, увитой плющом. Его серый фасад с высокими окнами смотрел на дорогу с выражением спокойного превосходства, будто знал, что всякий, кто проезжает мимо, непременно сравнивает собственный дом с этим и остаётся недоволен. По утрам окна гостиной отражали сад, а после дождя каменные плиты перед крыльцом блестели так чисто, что дворецкий мистер Браун ворчал: приличные люди не должны пачкать обувь о собственную дорожку.

В саду росли старые тисы, подстриженные в форме, которую садовник называл строгой, а Эмма — печальной. За ними начинался парк: широкая лужайка, несколько дубов, пруд с чёрной водой и беседка, где летом устраивали чаи, пикники и разговоры, столь же невинные на вид, сколь опасные по последствиям.

Эмма любила этот парк. Особенно дорожку вдоль пруда, где можно было гулять, не встречая никого, кроме лебедей, которые, в отличие от людей, никогда не делали вид, будто рады тебя видеть.

В тот день она стояла перед зеркалом в своей комнате и выбирала между двумя платьями.

За окном садовник сгребал с дорожки мокрые листья, и скребок шаркал по камню через равные промежутки, будто кто-то в саду отбивал время. В комнате было холодно: камин не топили до вечера, и платье, которое Эмма держала на весу, пахло утюгом и лавандой из сундука.

Одно было цвета спелой сливы, с узкой талией, высоким воротником и тонкой вышивкой по рукавам. Второе — цвета шампанского, отделанное кремовым кружевом, которое стоило столько, сколько небогатая семья могла бы потратить на еду за несколько месяцев.

Эмма выбрала второе.

Она всегда выбирала самое красивое платье, если собиралась появиться среди людей, и самое дорогое — если подозревала, что кто-нибудь может решить, будто она выбрала недостаточно красивое.

Надевать его пришлось с горничной. Корсет затянули так, что дышать стало можно только верхней частью груди; под рёбрами осталась красная полоса, и Эмма, поймав её взглядом в зеркале, подумала, что платье стоит дороже, чем её тело стоит жалеть. Крючки на спине застёгивались снизу вверх, и каждый щёлкал сухо, как затвор. Кружево на воротнике касалось шеи; там, где касалось, кожа зудела, и Эмма провела по ней пальцем, раз, другой, чтобы привыкнуть.

Она стояла перед зеркалом в чулках и нижних юбках, и зеркало показывало то, чего не показывало никому: ключицы, две веснушки у правой, бледную кожу на плече, где загар никогда не держался. Потом она подняла подбородок, и в зеркале появилась другая женщина, та, которую видели в гостиных: спокойная, собранная, с двумя непослушными прядями у висков.

Платье было тяжёлое и меняло походку. Шаг делался короче, спина выпрямлялась сама, руки приходилось держать иначе, и от этого Эмма двигалась так, будто в комнате уже были люди и она знала, что все смотрят.

— Ты будешь выглядеть слишком нарядно для обычного визита, — заметила её мать, когда Эмма спустилась в гостиную.

— Тогда визит перестанет быть обычным, — ответила Эмма.

Миссис Смит подняла глаза от вышивки. Она была женщиной мягкой, доброй и настолько привыкшей к благоразумию дочери, что не замечала, как часто Эмма заменяла им здравый смысл.

Эмма и в самом деле была хороша. Не той броской красотой, которая заставляет мужчин немедленно забывать собственные имена, а более опасной — спокойной, уверенной и тщательно собранной. Её волосы цвета тёмного мёда были уложены в простой пучок, из которого, как всегда, выбились две непослушные пряди. Карие глаза с золотистыми искорками казались внимательными даже тогда, когда Эмма скучала. Особенно ярко эти искорки вспыхивали во время спора.

Лицо её имело мягкие черты, но подбородок был слишком твёрдым для простодушной девушки. Эмма улыбалась нечасто, зато если смеялась, то запрокидывала голову и смеялась искренне, будто в этот момент не существовало ни этикета, ни приличий, ни необходимости думать о том, как она выглядит.

Её голос был немного хрипловатым, словно она недавно вернулась с ветра. Двигалась Эмма сдержанно, почти бесшумно, однако в этой сдержанности не было робости. Она просто не считала нужным предупреждать о своём присутствии тех, кто и без того должен был её заметить.

Эмма любила кофе, книги и порядок в чужих жизнях.

Первые два пристрастия считались вполне приемлемыми. Третье — до тех пор, пока приносило хорошие результаты.

— Ты опять собираешься к Эшли? — спросила мать.

— К Эшли и Хантеру.

— Тогда надень жемчужное ожерелье.

— Почему?

— Потому что оно тебе идёт.

— Это не причина. Оно мне идёт потому, что стоило дорого.

Миссис Смит улыбнулась.

— Иногда, дорогая, это одно и то же.

Эмма не стала спорить. Она надела ожерелье, и жемчуг лёг на ключицы холодными каплями, сначала чужими, потом своими. Замок под волосами защёлкнулся с трудом: пальцы были тёплые, застёжка тугая. Потом перчатки, одна за другой, до самого локтя; кожа под ними сразу стала влажной, и пришлось разжать и сжать пальцы, чтобы перчатка села по руке.

Она посмотрела на себя в зеркало ещё раз и улыбнулась отражению той улыбкой, которую берегла для чужих.

Она была уверена в себе. Вернее, ей нравилось так думать.

Эмма считала, что прекрасно разбирается в людях. Она знала, кто женится по любви, кто — по расчёту, кто говорит о скромности только потому, что не может позволить себе роскошь. Знала, какие мужчины ищут в девушке характер, а какие — приданое. Знала, какие женщины действительно счастливы, а какие лишь достаточно хорошо играют эту роль.

Именно поэтому она так удачно устроила судьбу своей лучшей подруги.

Эшли Брайн была беднее Эммы, мягче характером и гораздо менее уверена в собственных достоинствах. Она обладала светлыми волосами, серыми глазами и той тихой добротой, которую окружающие часто принимали за слабость. Эмма долго считала, что Эшли нужна

защита, руководство и, желательно, человек, способный обеспечить ей безбедную жизнь. Хантер Уэсли подходил идеально.

Он был богат, происходил из хорошей семьи, обладал безупречной репутацией и говорил так мало, что даже его молчание казалось воспитанным. Высокий, статный, с прямой осанкой, он выглядел человеком, которого с детства учили держать слово, спину и чувства при себе. Его тёмно-каштановые волосы слегка вились, серо-зелёные глаза оставались спокойными даже тогда, когда собеседник говорил глупость, а улыбка появлялась так редко, что каждый раз воспринималась как личная награда.

Хантер говорил негромко, но его слушали. Он не суетился, не перебивал и не старался казаться добрее, чем был. В нём чувствовалась сила — не грубая и не показная. Он скорее защитил бы человека, чем стал доказывать, что способен его победить.

Эмма решила, что Хантеру нужна Эшли.

Эшли решила, что любит Хантера.

Хантер, вероятно, решил, что Эмма слишком много говорит, но всё же женился на её подруге.

Таким образом, все получили то, чего хотели. По крайней мере, так Эмма объясняла себе происходящее.

Она вышла из дома и направилась к экипажу. Воздух был прохладным, пахло мокрой землёй, дымом из труб и розами, которые садовник Смитов упрямо выращивал вопреки английскому климату. На дороге показалась молочная телега, за ней — молодая женщина с корзиной, а у ворот соседнего дома две служанки делали вид, будто обсуждают погоду.

Эмма знала: они обсуждали её.

В Хьюстоне разговоры о погоде начинались только после того, как заканчивались разговоры о людях.

Она вошла в экипаж, устроилась на сиденье и поправила волосы.

Когда Эмме становилось неловко, она всегда поправляла волосы. Это была привычка, которую она считала незаметной, хотя Эшли давно её распознала.

Визит к Эшли не должен был вызывать неловкости.

Эшли была её лучшей подругой. Хантер — её мужем. Их брак был удачным, приличным и одобряемым всеми, чьё мнение имело хоть какую-нибудь цену.

А Эмма Смит была достаточно умна, чтобы не желать чужого мужа.

По крайней мере, так она говорила себе всякий раз, когда вспоминала его голос.

Особенно по вечерам.

Особенно когда Хантер смотрел на неё слишком долго.

И совершенно особенно тогда, когда Эмма замечала, что он перестал слушать Эшли и смотрит только на неё.

Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Любовь, по мнению Эммы, была чувством неудобным, непрактичным и крайне плохо подходящим женщине, которая намеревалась прожить жизнь с достоинством.

К тому же любовь редко интересовалась тем, что человек намеревался делать.

А Хантер Уэсли, как Эмма уже начинала подозревать, интересовался ею гораздо больше, чем следовало.

И это было первым обстоятельством, которое Эмма не смогла устроить так, как устроила всё остальное.

Кэб остановился у крыльца в четверть двенадцатого. Дом Уэсли был старше дома Смитов и стоял ближе к дороге: два этажа, серый камень, узкие окна с частым переплётом, плющ, который не подстригали, а только подрезали у самой двери, чтобы не лез в замочную скважину. Над крыльцом висел фонарь, днём погашенный, и в мутном стекле отражались ветки.

Лакей открыл дверь прежде, чем Эмма успела взяться за молоток. В доме было теплее, чем на улице, но от порога тянуло сквозняком, и на полу у двери лежала половица, вытертая до светлого дерева.

— Мисс Смит.

Эшли вышла навстречу из глубины прихожей, вытирая руки о передник, которого при гостях не носила. Передник она сняла на ходу, комкая, и сунула за спину, будто школьница.

Эшли улыбнулась и отступила, пропуская её в дом.

Внутри пахло воском, сушёными травами и свежесрезанными цветами. В прихожей стояла высокая ваза с белыми хризантемами, а на стенах висели портреты Уэсли — мужчины с одинаково прямыми спинами и женщины с одинаково неодобрительными взглядами. Казалось, все предки Хантера заранее знали, что посетительница пришла не по делу, и теперь терпеливо ждали, когда она сама в этом признается.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказала Эшли.

— Я знаю.

— Я хотела сказать, что платье тебе очень идёт.

— Это уже ближе к правде.

Эшли рассмеялась и взяла её за руку.

В этом жесте было столько доверия, что Эмма на мгновение почувствовала себя неуютно. Эшли всегда прикасалась к ней так, словно между ними не существовало ни зависти, ни соперничества, ни той невидимой границы, которая появляется между двумя женщинами, если они любят одного мужчину.

Разумеется, Эшли об этом не знала.

А Эмма знала.

И потому каждое прикосновение подруги казалось ей одновременно лаской и упрёком.

— Мы собирались пить чай в зимнем саду, — сказала Эшли. — Хантер там.

— Он всегда там, когда ты хочешь поговорить со мной наедине?

— В последнее время он часто там.

— Тогда, возможно, зимний сад принадлежит ему.

— Не говори так, будто он тебе мешает.

— Я не говорю. Я предполагаю.

Эшли покачала головой и повела её через гостиную.

Комната была просторной, но неуютной. Тёмная мебель из орехового дерева занимала почти всё свободное место: буфет с резными лапами, два кресла с высокими спинками, стол, на котором лежали газеты трёхдневной давности. Тяжёлые шторы скрывали половину окон, и в комнате было темнее, чем на улице. Камин давно погас, хотя на улице стоял холод; от него тянуло запахом старой золы и мокрого камня. Паркет скрипел через каждые два шага, и Эмма поймала себя на том, что ступает тише, чтобы не скрипеть.

Над каминной полкой висели часы в бронзовом корпусе. Они тикали с таким достоинством, будто каждому своему удару придавали значение.

Эмма всегда считала, что дом многое рассказывает о своих хозяевах.

Дом Смитов говорил: «Мы достаточно богаты, чтобы позволить себе простор».

Дом Уэсли говорил: «Мы достаточно древни, чтобы не нуждаться в объяснениях».

Из гостиной они вышли в зимний сад. Стеклянная галерея тянулась вдоль задней стены дома и была наполнена зеленью. Папоротники стояли в больших горшках, между колоннами вились плющи, у окон цвели герани, и в мокрой земле копошились две мошки. Влажный воздух казался почти летним и пах теплицей, землёй и сладковатой зеленью; ресницы у Эммы сразу отяжелели, а на висках выступила испарина. За стёклами лежал холодный сад, серый и безмолвный, и в стекле отражался Хантер, вернее, часть его: плечо, рука с книгой, тёмная голова.

Хантер стоял у дальнего окна.

Он был одет в тёмный сюртук, безупречно сидевший на широких плечах, и держал в руке книгу. Судя по тому, как долго он смотрел на одну и ту же страницу, чтение занимало его не больше, чем Эмму занимал разговор о погоде.

Он поднял глаза.

— Мисс Смит.

— Мистер Уэсли.

Эмма слегка присела в реверансе. Не слишком глубоко. Она берегла достоинство даже в тех случаях, когда оно совершенно не требовалось.

Хантер посмотрел на неё, затем на Эшли.

— Я не знал, что вы придёте.

— Это потому, что я не сообщала о визите.

— Обычно вы считаете необходимым сообщать обо всём.

— Только о том, что может вас заинтересовать.

Взгляд Хантера задержался на её лице. Не на платье, не на жемчуге, а на лице, и от этого под корсетом стало тесно: грудь поднялась, вдох сделался коротким, и пришлось его удержать, чтобы не вышло вздоха. Кружево на шее, которое она уже перестала замечать, снова стало чувствоваться.

Эшли ничего не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Эмма не могла решить, какой вариант был хуже.

— Я оставлю вас ненадолго, — сказала Эшли. — Нужно проверить чай.

— В доме есть слуги, — заметил Хантер.

— Но нет другой Эшли, которая знала бы, сколько сахара любит Эмма.

— Эмма сама может положить себе сахар.

— Именно поэтому я и должна проследить.

Эшли улыбнулась и исчезла за стеклянной дверью.

Эмма проводила её взглядом.

— Ваша жена очень заботлива.

— Да.

— И терпелива.

— Да.

— Иногда мне кажется, она заслуживает лучшего общества.

— Вы пришли сообщить, что собираетесь сменить ей подругу?

Эмма повернулась к нему.

— Я пришла узнать, как она поживает.

— Вы могли спросить её.

— Я и собиралась. Но потом увидела вас и поняла, что вы, вероятно, знаете больше.

Хантер закрыл книгу.

— Вы всегда говорите так, будто у каждой вашей фразы есть второе дно.

— А у вас всегда такой вид, будто вы пытаетесь его найти.

Несколько секунд они молчали.

За стеклом ветер шевелил голые ветви яблонь. На крыше дома зашелестел дождь, и капли одна за другой побежали по стеклу зимнего сада, размывая очертания сада и превращая его в серую акварель.

Он стоял в двух шагах. Не ближе. От него пахло холодным воздухом, шерстью сюртука и чем-то ещё, похожим на мыло; когда он поворачивался, воздух в галерее сдвигался, и тёплый влажный дух теплицы на секунду сменялся этим запахом. Под перчаткой у Эммы стучала кровь в запястье.

Хантер первым отвёл взгляд.

— Эшли счастлива, — сказал он.

Эмма посмотрела на него внимательнее.

— Вы произносите это так, будто убеждаете меня.

— Я никого ни в чём не убеждаю.

— Это одна из ваших главных особенностей.

— Какая именно?

— Вы молчите с таким видом, словно сказали нечто чрезвычайно важное.

В уголках его губ появилась улыбка.

Редкая.

Слишком мягкая.

Эмма почувствовала, как внутри у неё что-то дрогнуло, и немедленно решила, что это раздражение.

— Вы смеётесь надо мной? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему улыбаетесь?

— Потому что вы забавно сердитесь.

— Я никогда не сержусь забавно.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Значит, вы ошибаетесь.

Эмма хотела ответить, но в этот момент за дверью послышались шаги. Она мгновенно выпрямилась и поправила волосы.

Хантер это заметил.

Конечно, заметил.

Он замечал всё, что ей хотелось бы скрыть.

— Вы нервничаете? — спросил он.

— Нет.

— Вы поправляете волосы.

Эмма замерла.

— Это ничего не значит.

— Тогда почему вы это делаете?

— Потому что они плохо уложены.

— Они не плохо уложены.

— Вы теперь разбираетесь и в женских причёсках?

— В вашей — да.

За дверью снова стало тихо.

Эшли, должно быть, задержалась на кухне. Или остановилась в коридоре. Или Эмма начала слышать то, чего не было.

Она отступила к столу и взяла чашку, хотя чай ещё не принесли.

— Вы слишком много себе позволяете, мистер Уэсли.

— Возможно.

— Вы женаты.

— Я знаю.

— На моей лучшей подруге.

— Я знаю и это.

— Тогда вам следовало бы быть осторожнее.

— С чем именно?

Эмма сжала пальцы вокруг фарфоровой чашки.

— С тем, что вы говорите.

Хантер подошёл ближе. Не настолько, чтобы это можно было назвать неприличием, но достаточно, чтобы Эмма почувствовала запах его одежды — холодный воздух, кожа перчаток и слабый аромат кофе.

Он всегда пил слишком крепкий кофе. Эмма знала это, хотя никогда не спрашивала.

— Вы думаете, я говорю слишком много? — спросил он.

— Я думаю, вы говорите слишком мало, но именно поэтому каждое ваше слово кажется опасным.

Его лицо стало серьёзным.

— А вы думаете, что опасны только слова?

Эмма подняла на него глаза.

В серо-зелёных глазах Хантера не было привычного спокойствия. Впервые она увидела там не сдержанность, а напряжение. Он смотрел на неё так, будто долго пытался принять решение и теперь устал от собственной нерешительности.

Это напугало её больше, чем если бы он улыбался.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — сказала Эмма.

— Знаете.

— Вы ошибаетесь.

— Вы очень часто говорите это, когда не хотите слышать правду.

— А вы слишком часто называете правдой то, что всего лишь удобно вам самому.

Хантер отвернулся к окну.

— Эмма…

Он впервые назвал её по имени.

Не «мисс Смит». Не холодно и учтиво. Просто — Эмма.

Её сердце неприятно ускорилось.

Она поставила чашку на стол.

— Не надо.

— Чего именно?

— Называть меня так.

— Почему?

— Потому что это звучит слишком близко.

Он медленно повернулся к ней.

— А разве мы не близки?

Эмма почувствовала, как к щекам приливает жар. Она ненавидела собственное лицо за эту непокорность. Ум мог сохранять спокойствие, голос — ровность, осанка — достоинство, но лицо предавало её с лёгкостью, которой позавидовал бы любой доносчик.

— Вы женаты, — повторила она.

— Я знаю.

— И Эшли любит вас.

— Я знаю.

— Тогда не смейте делать вид, будто между нами может быть что-то ещё.

Хантер смотрел на неё молча.

И это молчание было хуже всякого признания.

Эшли вернулась в зимний сад с подносом.

— Простите, что задержалась, — сказала она. — Миссис Уолтерс пришла передать приглашение на бал и решила рассказать мне всё, что думает о новом платье леди Крамер.

— И что она думает? — спросила Эмма, слишком быстро.

— Что оно ужасно.

— Значит, оно, вероятно, прекрасно, — сказала Эмма.

Эшли поставила поднос на стол.

— Я тоже так подумала.

Хантер отошёл к окну. Его лицо снова стало спокойным, почти непроницаемым. Если бы Эмма не видела его несколько минут назад, она решила бы, что всё придумала.

Но теперь она знала: он способен смотреть на неё не как на подругу своей жены.

И от этого знания ей стало одновременно страшно и радостно.

Эмма ненавидела себя за второе чувство гораздо сильнее, чем за первое.

Эшли разлила чай по чашкам и подала Эмме блюдце с маленькими лимонными пирожными.

— Я велела добавить меньше сахара, — сказала она. — Ты ведь теперь утверждаешь, что слишком сладкий чай мешает думать.

— Я никогда этого не утверждала.

— Ты сказала это в прошлую среду.

— В прошлую среду я была раздражена.

— Разве это мешает тебе говорить правду?

— Иногда, — ответила Эмма.

Эшли села напротив неё. Хантер остался у окна, держа руки за спиной. Он больше не вмешивался в разговор, но его молчание ощущалось так явственно, что Эмма каждую минуту была вынуждена напоминать себе: она пришла сюда ради Эшли.

Не ради него.

Разумеется, именно поэтому она выбрала платье цвета шампанского, надела жемчуг и потратила перед зеркалом почти четверть часа.

— В субботу будет бал у леди Мортимер, — сказала Эшли. — Вы придёте?

— Если меня пригласят.

— Тебя всегда приглашают.

— Это не совсем так. Иногда меня приглашают потому, что без меня им нечем заполнить разговор.

— А разве это не одно и то же?

— Нет. В первом случае меня хотят видеть, во втором — используют как мебель.

Эшли рассмеялась.

— Ты говоришь так, будто не любишь общество.

— Я люблю общество. Но предпочитаю наблюдать за ним с некоторого расстояния.

— И всё же ты не пропускаешь ни одного бала.

— Наблюдать за людьми гораздо удобнее, когда они уверены, что сами тебя рассматривают.

Хантер едва заметно повернул голову.

Эмма увидела это и сразу пожалела, что произнесла последнюю фразу. Ей не хотелось, чтобы он думал, будто она постоянно замечает его внимание. Ещё меньше ей хотелось, чтобы он перестал её замечать.

— На балу будет много гостей, — продолжала Эшли. — Приезжают семейство Фелпсов, миссис Армитидж с племянницами и, кажется, Джейсон Кроуфорд.

Эмма взяла чашку.

— Джейсон?

— Ты его знаешь?

— К сожалению.

— Он несколько раз спрашивал обо мне, — сказала Эшли. — Вернее, о тебе.

— Это объясняет, почему он всегда смотрит на меня так, будто я унаследовала не только деньги, но и половину графства.

— Он не таков.

— Конечно, нет. Он просто хорошо воспитан и случайно каждый раз оказывается рядом с самым состоятельным человеком в комнате.

Эшли нахмурилась.

— Эмма, это несправедливо.

— Я ещё не начинала быть несправедливой.

— Именно это меня и тревожит.

Эмма подняла взгляд. В голосе Эшли не было привычной мягкой уступчивости. Она говорила спокойно, однако в её серых глазах появилась твёрдость.

Хантер тоже это заметил.

Он всегда замечал, когда Эшли переставала соглашаться.

— Я не хотела тебя обидеть, — сказала Эмма.

— Ты редко хочешь обидеть. Просто считаешь, что если говоришь правду, то имеешь право говорить её как угодно.

Это было сказано без злости, и потому прозвучало особенно неприятно.

Эмма поставила чашку на блюдце.

— Если человек не хочет слышать правду, это не всегда означает, что она сказана жестоко.

— А если человек слышит её от тебя, он почти всегда чувствует себя так, будто его отчитали.

— Я не отчитываю людей.

— Нет, — заметил Хантер от окна. — Вы просто делаете так, чтобы они сами поняли, насколько глупо поступили.

Эмма повернулась к нему.

— А вы, кажется, слишком внимательно слушаете разговор, в котором вас никто не приглашал участвовать.

— Я думал, вы пришли именно для того, чтобы меня позвать.

Эшли посмотрела на мужа, затем на Эмму.

— Почему вы оба разговариваете так, будто уже успели поссориться?

— Мы не ссорились, — ответила Эмма.

— Пока нет, — сказал Хантер.

Эшли покачала головой, но улыбнулась.

— Вы удивительно похожи.

— Это оскорбление, — сказала Эмма.

— Я не это имела в виду.

— Тогда оно ещё хуже.

Эшли снова рассмеялась. Хантер улыбнулся, и Эмма, сама того не желая, посмотрела на него.

На этот раз он не отвёл взгляда.

В комнате стало тише.

Эшли, не замечая или не желая замечать возникшего напряжения, потянулась за сахарницей. Она говорила о предстоящем бале, о музыке и новых шторах в бальном зале леди Мортимер, но Эмма слышала лишь отдельные слова.

Хантер смотрел на неё.

Не как на гостью.

Не как на подругу своей жены.

И это было неприлично.

Невозможно.

Опасно.

Эмма заставила себя отвернуться и сосредоточилась на пирожном. Она откусила слишком большой кусок и едва не подавилась.

— Ты в порядке? — спросила Эшли.

— В полном.

— У тебя покраснели щёки.

— Здесь слишком тепло.

— В зимнем саду?

— У тебя очень жаркие растения.

Эшли с сомнением посмотрела на неё.

Хантер тихо произнёс:

— Возможно, мисс Смит следует выйти на воздух.

— Возможно, мистеру Уэсли следует меньше беспокоиться о моём самочувствии.

— Я не беспокоюсь.

— Тогда не предлагайте мне прогулку.

— Я предложил вам воздух, а не прогулку.

— Вы всегда так тщательно отделяете одно от другого?

— Только когда вы рядом.

Эшли на мгновение замолчала.

Эмма почувствовала, как под столом напряглись её пальцы. Ей хотелось встать, уйти, рассмеяться — сделать что угодно, лишь бы прекратить этот разговор. Но она не могла позволить себе показать, что слова Хантера задели её.

Особенно перед Эшли.

— Я, пожалуй, действительно прогуляюсь, — сказала она. — Перед отъездом мне нужно купить нитки для вышивки.

— Ты не вышиваешь, — заметила Эшли.

— Значит, это будет особенно важная покупка.

Она поднялась.

Эшли тоже встала, но Хантер оказался быстрее. Он открыл стеклянную дверь, ведущую в сад.

— Я провожу вас.

— В этом нет необходимости.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Потому что хочу.

Эмма встретилась с ним взглядом.

Эшли улыбнулась, словно в его словах не было ничего необычного.

— Хантер, не задерживай Эмму. На улице холодно.

— Я не задержу её.

— Разумеется, — сказала Эмма. — Он вообще не склонен задерживать женщин. Особенно если они ему не принадлежат.

Последние слова повисли в воздухе.

Эмма сама не знала, зачем произнесла их. Возможно, хотела уколоть Хантера. Возможно, хотела напомнить себе, что он принадлежит Эшли. Возможно, ей было необходимо услышать это вслух.

Хантер изменился в лице.

Совсем немного — только взгляд стал темнее.

Эшли же улыбнулась, не уловив скрытого смысла.

— Не говори глупостей, — сказала она. — Люди не принадлежат друг другу.

— В теории, — ответила Эмма.

Она вышла в сад, и холод сразу забрался под кружево: сначала в вырез на шее, потом за перчатку, выше запястья. Дождь почти закончился, но каменные дорожки оставались мокрыми, и гравий чавкал под подошвами. Над живой изгородью висел сырой туман, с ветвей падали тяжёлые капли; одна упала ей на плечо, и на шерсти расплылось тёмное пятно. Пахло мокрой землёй, прелым листом и розами, которых уже не было: от голых кустов шёл слабый, промытый дождём запах. Вдали темнел пруд, поверхность которого дрожала от редких кругов. На одной из скамеек лежала забытая детская перчатка — маленькая, синяя, совершенно неуместная среди аккуратно подстриженных кустов.

Эмма остановилась у розария и взялась за мокрую перекладину решётки. Железо обожгло ладонь через перчатку, и она не сразу его отпустила.

Она слышала, как Хантер идёт следом.

— Вы напрасно это сказали, — произнёс он.

— Что именно?

— Что люди не принадлежат друг другу.

— Я сказала это не вам.

— Вы сказали это мне.

— Вы слишком высокого мнения о себе.

— А вы слишком часто прячете правду за насмешками.

Эмма повернулась.

— Правда заключается в том, что вы женаты. Этого достаточно.

— Для кого?

— Для любого порядочного человека.

— А если порядочность — это всего лишь название, которое мы даём страху?

Эмма замерла.

Хантер стоял в нескольких шагах от неё, без шляпы, с влажными прядями тёмных волос на лбу. Его лицо было серьёзным, но в нём не было привычной холодной уверенности. Дождевая вода блестела у него на виске и на верхней губе, и он не вытирал её. Воротник сюртука потемнел от сырости, и от этого он казался моложе и беззащитнее, чем в гостиной. Он выглядел человеком, который впервые решился сказать то, что долго запрещал себе даже думать.

— Вы не имеете права говорить со мной так, — сказала Эмма.

— Почему?

— Потому что я доверяю вам.

На его лице появилась боль.

Эмма почти сразу пожалела о сказанном, но забрать слова обратно уже было невозможно.

— Вы доверяете мне? — тихо спросил он.

— Да.

— Тогда почему каждый раз смотрите на меня так, будто ждёте предательства?

— Потому что я знаю мужчин.

— Вы знаете только тех мужчин, которых легко понять.

— А вас трудно понять?

— Вы понимаете меня лучше, чем хотите признать.

Эмма отвернулась к пруду.

Ей стало холодно, хотя на ней было тёплое платье и перчатки. Холод шёл снизу, от мокрой дорожки, и сверху, из тумана, и она стояла в нём, как в воде. Она слышала его дыхание за спиной и слышала, как под его подошвой хрустит гравий, когда он переносит вес с ноги на ногу. Между ними было два шага, не больше. Платье на спине натянулось, кожа под ним ждала, и от этого ожидания у неё начали мёрзнуть пальцы в перчатках. С ужасом она поняла, что не хочет, чтобы он уходил.

В этот момент за окнами зимнего сада показалась Эшли.

Она стояла у двери и смотрела на них.

Эмма первой заметила её.

— Ваша жена ждёт вас, — сказала она.

Хантер обернулся. Эшли тут же отошла от окна, будто не хотела, чтобы её поймали за наблюдением.

— Мне пора, — сказала Эмма.

— Вы испугались?

— Я разумна.

— Это не одно и то же.

— Для женщины, которая хочет сохранить репутацию, — одно и то же.

Хантер сделал шаг к ней. Теперь их разделяла половина шага: можно было дотянуться, если поднять руку. От него шло тепло, которое она чувствовала даже через сырой воздух; на рукаве у него темнела капля, и Эмма поймала себя на том, что смотрит на эту каплю, чтобы не смотреть в лицо.

Эмма не отступила, хотя всё внутри требовало обратного. Каблук ушёл в мокрый гравий, и она стояла чуть наклонившись, но не двинулась. Она хотела, чтобы он её поцеловал. Не думала, что за этим будет, не взвешивала, чем это кончится, просто стояла и хотела, и от этого желания на морозе горели щёки. Рука в перчатке поднялась сама и замерла в ладони от его груди.

— Эмма…

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Именно поэтому я и прошу вас молчать.

Он остановился.

Несколько мгновений они стояли друг напротив друга, и время в этой паузе шло неровно: сначала быстро, потом совсем остановилось. У него на шее под воротником билась жилка, и Эмма смотрела на неё, потому что смотреть в глаза было уже нельзя. Между ними были мокрая дорожка, голые розовые кусты и всё то, что люди называли долгом, честью и приличием, когда хотели придать своим страхам благородное звучание. Холод пробрал её до лопаток, но там, где её почти касалось его тепло, кожа горела.

Эмма улыбнулась — спокойно и почти безмятежно.

— До свидания, мистер Уэсли.

— До свидания, мисс Смит.

Она прошла мимо него, и, когда поравнялась, её плечо прошло в ладони от его груди. Она услышала, как он вдохнул и не выдохнул, и почувствовала на виске его дыхание, тёплое и короткое. Не оглядываясь, она пошла к дому.

Но у самой двери всё-таки остановилась.

— И ещё, — сказала она, не поворачивая головы.

— Да?

— На балу в субботу не приглашайте меня на танец.

— Я не собирался.

Эмма сжала губы.

— Очень хорошо.

— Но если вы сами попросите…

— Я никогда не попрошу.

— Тогда нам обоим будет проще.

Эмма открыла дверь и вошла в дом.

Ей следовало почувствовать облегчение.

Вместо этого она впервые ясно поняла: если Хантер Уэсли продолжит смотреть на неё так, будто между ними есть тайна, которую они оба знают, но ещё не осмелились назвать, никакая разумность не спасёт её от самой себя.

Глава 2. Три танца.

К субботе Эмма успела трижды решить, что не поедет, и четыре раза передумать.

Первое решение было принято утром, когда приглашение от леди Мортимер лежало на столе в гостиной. Эмма прочла его, положила обратно и сказала матери, что светское общество прекрасно проживёт один вечер без её присутствия.

Второе пришло после обеда, когда миссис Смит заметила, что новое платье цвета тёмного изумруда будет совершенно напрасно занимать место в гардеробной.

Третье — вечером, после записки от Эшли.

«Дорогая Эмма, надеюсь, ты приедешь. Хантер сказал, что будет рад тебя видеть. Эшли».

Эмма перечитала эти строки шесть раз, потом спрятала записку в ящик, потом достала её снова.

«Хантер сказал, что будет рад тебя видеть». Не «я сказала», а «Хантер сказал». Эшли писала такие письма всю жизнь, не вкладывая в них второго смысла, и от этого они были опаснее любых намёков.

В четверть восьмого Эмма надела изумрудное платье.

Шёлк был прохладный и скользкий, как вода; он обтянул её от плеч до бёдер и сел так, что дышать приходилось короче. Горничная затянула корсет и принялась за причёску: шпильки с мелкими бриллиантами входили в волосы с тихим щелчком, и от каждой голова становилась тяжелее.

Платье сидело так, как сидят вещи, за которые заплачено достаточно, чтобы не думать о цене. Волосы уложили выше обычного, две пряди у висков выбились, как всегда. На шее у неё не было ничего, и от этого вырез казался глубже, чем был: кожа над тканью была бледной, и Эмма видела в зеркале, как под ней бьётся жилка.

— Ты выглядишь так, будто собираешься произвести впечатление, — сказала она своему отражению.

Отражение не ответило. Это было одним из его главных достоинств.

В гостиной ждали родители.

Отец поднялся при её появлении, хотя делал это уже не так быстро, как прежде.

— Прекрасно выглядишь.

— Я надеялась.

— Разве ты не всегда прекрасно выглядишь?

— Всегда, но не всегда одинаково удачно.

Мистер Смит посмотрел на жену.

— Я иногда не понимаю, шутит она или говорит серьёзно.

— Это потому, что она делает и то и другое сразу, — ответила миссис Смит.

В экипаже Эмма молчала. Мать читала программу танцев, отец дремал напротив, а она смотрела в окно на тёмные поля и думала о том, что на балу будет человек, которому она сказала: «Я никогда не попрошу».

Бальный зал леди Мортимер сиял и был полон жара, как оранжерея. Высокие окна запотели от тепла; на подоконниках стояли лужицы, и одну уже вытерли салфеткой, оставив на стекле мазок. Хрустальные люстры отражались в отполированном паркете, и по этому отражению скользили подолы. Пахло воском, духами, разогретым телом и лилиями, которых было слишком много. У стен стояли пальмы в медных кадках, и их листья блестели от испарений.

Жар обнял Эмму со всех сторон, как только она вошла; под корсетом стало влажно, а перчатки, ещё холодные с улицы, через минуту прилипли к ладоням.

У каждой женщины был свой способ держать веер. У каждого мужчины — свой способ смотреть на её приданое.

Эмма заметила это почти сразу и почти сразу перестала замечать: её внимание уже искало в зале серо-зелёный сюртук.

— Мисс Смит!

Джейсон Кроуфорд поклонился. Он был красив той аккуратной красотой, которая хорошо смотрится на портрете и почти не производит впечатления в жизни: светлые волосы на пробор, безупречный фрак, улыбка, предназначенная женщинам с состоянием.

— Мистер Кроуфорд.

— Я надеялся встретить вас сегодня.

— Как предусмотрительно с вашей стороны.

— Вы позволите записать вас на первый танец?

— Он уже начался.

Джейсон посмотрел на танцующие пары.

— Тогда на второй.

— Я ещё не решила.

— Я могу подождать.

— Это очень опасная привычка.

Он рассмеялся так, словно она сказала нечто очаровательное.

Джейсон никогда не понимал, когда над ним смеются. Это делало его почти неуязвимым.

В дверях зала появились Эшли и Хантер.

Разговоры на мгновение стали тише, как всегда бывает, когда входит чета, у которой есть то спокойное достоинство, заставляющее людей расступаться, даже если они не знают почему. Эшли в светло-голубом выглядела нежно и свежо. Хантер был в чёрном фраке и белом жилете, и лицо у него было то же, что всегда: сдержанное, непроницаемое.

Он посмотрел на Эмму.

Она успела заметить, как его взгляд скользнул по её платью, задержался на ключице, где кожа была открыта, прошёл по плечам, по руке, которую всё ещё держал Джейсон, и как вернулся к лицу.

Потом Эшли улыбнулась и пошла к ней, и наваждение кончилось.

— Я боялась, что ты не приедешь, — сказала Эшли и обняла её.

— Я тоже боялась.

— Что?

— Боялась, что не приеду.

Эшли засмеялась.

— Ты сегодня странная.

— Я стараюсь быть лучше.

— Не нужно. Ты мне нравишься такой.

Эти простые слова причиняли Эмме почти физическую боль.

Она посмотрела через плечо Эшли на Хантера. Он разговаривал с сэром Уильямом Мортимером и не смотрел в её сторону.

— Ты ведь обещала мне танец, — сказала Эшли.

— Обещала?

— В прошлом месяце.

— Тогда обещание почти утратило силу.

— Для тебя — возможно. Для меня — нет.

Оркестр заиграл вальс. Эмма танцевала хорошо: её учили танцам с пяти лет, как учили французскому, игре на фортепиано и умению улыбаться человеку, которого она терпеть не могла.

Рука Эшли лежала у неё на талии, ладонь была тёплая и чуть влажная. Они поворачивались, и зал плыл: лица, свечи, плечи, снова лица. От жары у Эммы начала кружиться голова, и она подумала, что если закроет глаза, то всё равно будет знать, в какой стороне зала стоит серо-зелёный сюртук.

— Ты смотришь на него, — тихо сказала Эшли.

— На кого?

— На моего мужа.

Эмма не сбилась с шага. Это было единственным её достижением в тот вечер.

— Я смотрю на оркестр.

— Оркестр стоит в другой стороне.

— Тогда на людей рядом с оркестром.

Эшли чуть нахмурилась и ничего не сказала.

Музыка кончилась. Дамы сделали реверансы, зал зашумел, и Джейсон Кроуфорд оказался рядом прежде, чем Эмма успела решить, куда ей идти.

— Следующий танец, мисс Смит?

Она посмотрела поверх его плеча.

Хантер стоял у колонны, и Эшли уже отошла от него к миссис Армитидж. Несколько человек наблюдали за ней и Джейсоном: слишком открыто для случайного интереса и слишком осторожно для прямого любопытства.

Если она откажет, заметят. Если согласится, заметит Хантер.

— Хорошо, — сказала Эмма.

Джейсон танцевал безупречно и скучно.

Его рука лежала на её талии с необходимой осторожностью, а взгляд скользил по залу, подсчитывая, кто видит их вместе. В каждом его движении было удовлетворение человека, которому удалось занять выгодное место.

— Вы сегодня особенно прекрасны, — сказал он.

— Вы говорите это всем женщинам?

— Только тем, кому действительно хочется сказать.

— Как удобно.

— Я искренен.

— Это слово часто используют люди, которым нечего больше предложить.

Джейсон улыбнулся, но в глазах у него мелькнуло раздражение.

— Вы не слишком милосердны к поклонникам.

— Поклонник — это мужчина, который интересуется женщиной. Вы пока лишь танцуете со мной.

— А если я хочу большего?

— Тогда вам следует сначала убедить меня, что вы хотите именно меня.

Он замолчал и не нашёлся с ответом, и Эмма поняла, что попала точно.

Музыка кончилась. Пары остановились.

— Благодарю вас, — сказал Джейсон и не отпустил её руку.

— Вам следует отпустить меня, мистер Кроуфорд. За нами смотрят.

— За вами всегда смотрят.

— Тем более.

Он отпустил. Эмма отошла к колонне и оглядела зал.

Хантер танцевал с Эшли.

Танцевал он хорошо, ровно, как всё, что делал, и Эшли смотрела на него снизу вверх и что-то говорила, и он кивал. Всё было правильно, всё было прилично, и всё было совершенно невыносимо.

Только один раз за весь танец он повернул голову и посмотрел прямо на Эмму.

Взгляд был короткий. В нём не было ни улыбки, ни приглашения, ни упрёка. Он посмотрел так, как смотрят на закрытую дверь, за которой кто-то есть, и снова отвернулся к жене.

Эмма почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Мисс Смит, вы позволите?

Джейсон стоял рядом.

— Третий танец, — сказала она. — Вы не боитесь, что о нас начнут говорить?

— Я был бы польщён.

— Тогда я польщена, что вы не боитесь.

Она согласилась прежде, чем успела подумать, и уже в середине танца поняла, что делает.

Третий танец был кадрилью, и в кадрили партнёры меняются, и на несколько фигур Эмма оказалась напротив Хантера, который танцевал с женой доктора.

Они стояли ближе, чем позволяли приличия, не больше локтя друг от друга. От него пахло тёплой шерстью и тем же мылом, что в зимнем саду, а сквозь этот запах — вином, которого он не пил. Они не сказали друг другу ни слова.

Он смотрел чуть выше её плеча, а она на его галстук, на тугой узел, который кто-то завязывал ему утром, и на воротник, жёсткий от крахмала. Ей хотелось положить ладонь ему на грудь и толкнуть. И ещё сильнее хотелось не толкать, а взяться за этот галстук и притянуть его к себе, здесь, посреди кадрили, при всём зале, и будь что будет. Руки она держала опущенными, и пальцы под перчаткой дрожали. Когда фигура развела их, она почувствовала такую злость, что ей стало жарко, и жар шёл не от зала.

После кадрили Джейсон не отошёл.

— Мисс Смит, я хотел сказать вам одну вещь.

— Скажите.

— Я давно думаю о том, чтобы поговорить с вашим отцом.

Эмма посмотрела на него.

— О чём?

— О том, что мне было бы лестно, — сказал Джейсон, — если бы он позволил мне бывать у вас не только по приглашениям.

Он произнёс это ровно, не волнуясь, как человек, который репетировал фразу перед зеркалом и остался собой доволен.

— Это намёк, мистер Кроуфорд?

— Это просьба о позволении.

— То есть вы просите позволения просить позволения.

— Я прошу позволения надеяться.

Эмма оглянулась.

Хантер стоял у стены с бокалом, который держал слишком крепко; она видела, как у него побелели пальцы. Эшли что-то говорила ему в ухо, и он кивал, но не слушал.

— Мистер Кроуфорд, — сказала Эмма, — я не могу вам этого позволить.

— Почему?

— Потому что я вас не знаю.

— Мы знакомы четыре года.

— Мы танцуем четыре года, — сказала она. — Это не одно и то же.

Джейсон не обиделся. Он посмотрел на неё внимательнее, чем прежде.

— Тогда позвольте мне узнать вас.

— Зачем?

— Потому что я хочу, чтобы вы были моей женой.

Он сказал это на удивление просто, и от этой простоты Эмме стало нехорошо.

— Вы не хотите меня, — проговорила она. — Вы хотите то, что получите со мной.

— А что я получу?

— Дом, имя и достаток. И хозяйку, которая знает, что говорить викарию.

— Вы думаете, я настолько мелочен?

— Я думаю, что вы честны, — сказала Эмма. — И это единственное, что мне в вас нравится.

Джейсон молчал, и в его лице что-то менялось, но что именно, она понять не успела: рядом оказалась миссис Лоу с двумя дочерьми и вопросом о том, не слишком ли жарко.

— Жарко, — сказала Эмма.

— Я всегда говорю, что в октябре на балах бывает жарче, чем летом, — сказала миссис Лоу с удовольствием. — А вы сегодня неразлучны, мистер Кроуфорд. Три танца — это, кажется, больше, чем обсуждают.

— Миссис Лоу, вы заставляете меня краснеть, — сказал Джейсон.

— Дорогой мой, вас ничем не заставишь.

Миссис Лоу отбыла вместе с дочерьми, и Эмма поняла, что к завтрашнему вечеру об этих трёх танцах будут говорить в трёх домах, а к понедельнику — в десяти.

— Мне нужно к столу, — сказала она.

— Я провожу.

— Нет, — сказала Эмма. — Благодарю вас.

Она пошла через зал и чувствовала, что смотрит не одна пара глаз.

У стола с напитками было тесно: лакей с подносом, две дамы, старик с бокалом пунша, и все говорили одновременно. Эмма взяла бокал лимонада; стекло было холодным и мокрым от конденсата, и она прижала его к ладони через перчатку. Лимонад оказался слишком сладким.

— Вы, кажется, развлекаетесь.

Хантер стоял рядом. Она не заметила, как он подошёл, только почувствовала, что воздух изменился: стало теснее и теплее, а её плечо оказалось в ладони от его плеча.

— Вполне.

— Это заметно.

— Вы недовольны?

— А должен быть?

— Нет. Вы должны быть счастливым человеком. У вас есть жена, хорошая репутация и возможность считать чужие танцы.

— Я не считал ваши танцы.

— Вы считали. Я видела.

Он помолчал.

— Три, — сказал он наконец. — Три танца за один вечер.

— И что?

— Ничего.

— Тогда зачем вы это сказали?

Хантер поставил свой бокал на стол, так и не отпив.

— Джейсон Кроуфорд подходил ко мне в курительной, — проговорил он. — Спросил про дела в конторе. Потом про цены на хлопок. Потом — каково состояние вашего отца.

Эмма посмотрела на него.

— И что вы ответили?

— Что состояние вашего отца меня не касается.

— А его?

— Его касается, — сказал Хантер. — И он это знает, и вы это знаете, и все в этом зале знают, зачем он танцевал с вами три раза.

— Мистер Уэсли.

— Не называйте меня так.

— Здесь все на нас смотрят.

— Пусть смотрят.

Эмма поставила бокал. Руки у неё были спокойны, и это стоило ей усилий: она держала их так, будто в каждой была птица, которая могла вырваться. Под корсетом билось сердце, быстро и высоко, у самого горла.

— Вы хотите что-то мне сказать, — проговорила она. — Скажите.

Хантер молчал.

— Скажите, — повторила она тише. — Если вам есть что сказать, скажите это сейчас.

Он посмотрел на неё, и в его лице было столько всего сразу, что она не смогла разобрать ни одной мысли: злость, и обида, и что-то похожее на страх.

— Нет, — сказал он.

— Нет?

— Нет.

И отошёл к окну, и встал там, спиной ко всему залу, и больше не обернулся.

Эмма осталась у стола. Миссис Лоу прошла мимо и спросила, не дурно ли ей; Эмма ответила, что всё прекрасно.

Через минуту подошла Эшли.

— Я вам не помешала?

— Нет, — сказала Эмма.

— Вы обе такие бледные, — проговорила Эшли, глядя на мужа у окна. — Хантер, тебе нехорошо?

— Мне жарко, — сказал он, не поворачиваясь.

— Здесь всем жарко, — сказала Эшли. — Но бледные только вы двое.

Она сказала это легко, почти шутя, и Эмма увидела, как у Хантера дёрнулось плечо.

Остаток вечера прошёл как во сне.

Эмма танцевала ещё дважды: с викарием, который говорил о том, что нынешняя молодёжь слишком быстро танцует, и с мистером Форстером, который наступил ей на подол и извинялся так долго, что они пропустили половину фигуры. Хантер не пригласил её ни разу.

Она знала, что он не пригласит. Он сам сказал ей в четверг: «Я не собирался». И всё-таки весь вечер она ловила себя на том, что ждёт.

Перед отъездом она искала мать и нашла её в малой гостиной, у камина.

Мистер Смит уже велел подавать экипаж и стоял в дверях с шляпой в руке.

— Ты побледнела, — сказала мать.

— Здесь душно.

— Здесь всегда душно.

Они вышли в переднюю. Лакей подавал шубы; кто-то смеялся на лестнице; леди Мортимер прощалась с гостями у дверей и говорила каждому, что он украсил её вечер.

Хантер и Эшли выходили следом.

На лестнице было тесно: шубы, плечи, чей-то локоть у самого лица, и в этой тесноте Эмма на секунду оказалась рядом с ним. Он не смотрел на неё и говорил с кем-то через плечо; рукав его фрака касался её рукава. Она уже решила, что так всё и кончится.

Потом он наклонил голову, будто поправлял перчатку, и сказал очень тихо, так, что это могло быть обращено к перилам, и его дыхание коснулось её уха:

— Если вы выйдете за него, я не смогу здесь остаться.

Эмма остановилась.

— Хантер.

— Идите, — сказал он. — Вас ждут.

Она вышла на улицу. Кучер открыл дверцу, отец подал ей руку, мать сказала, что вечер был утомительный, но приличный.

Всю дорогу домой Эмма смотрела в окно на тёмные поля и повторяла про себя одну фразу, и не было в ней ни радости, ни торжества, ни даже надежды.

Только очень острое чувство, что она впервые в жизни получила то, чего добивалась, и от этого ей стало хуже, чем было.

Глава 3. Так, как это возможно.

В воскресенье Эмма проспала к завтраку.

Это было почти неприлично: в доме Смитов считалось, что молодая женщина встаёт вовремя, даже если накануне танцевала до двух. Мать ничего не сказала, только посмотрела, когда Эмма вошла в столовую, и это было хуже замечания.

— Как бал? — спросил отец, не отрываясь от газеты.

— Приличный.

— Леди Мортимер довольна?

— Леди Мортимер всегда довольна, когда у неё полный дом.

Отец хмыкнул и перевернул страницу.

— Кроуфорд был?

Эмма налила себе чаю.

— Был.

— Он мне нравится, — сказал отец. — Не блещет, но без глупостей. Такие люди редко разоряются.

— Он осторожен.

— Это и есть «без глупостей».

Мать подняла глаза от чашки.

— Он танцевал с тобой три раза.

— Ты считала?

— Считала миссис Лоу. Мне передали.

Эмма положила ложку.

— Мама, я не собираюсь за него.

— Я этого и не говорила.

— Вы подумали.

— Я подумала, что три танца за один вечер — это много, — сказала мать. — А ты подумала, что это ничего не значит. Кто-то из нас двоих ошибается.

В понедельник Кроуфорд приехал с визитом.

Он явился в половине двенадцатого, в новом сюртуке, с букетом белых хризантем, и мистер Браун проводил его в голубую гостиную с таким видом, будто ничего примечательного не происходит, хотя обычно этим видом он отмечал именно примечательное.

— Мисс Смит.

— Мистер Кроуфорд.

— Я взял на себя смелость.

— Вижу. Хризантемы.

— Вы любите хризантемы?

— Я люблю всё, что не вянут к четвергу.

Он передал букет горничной и сел.

Разговор пошёл тот, какой идёт в гостиных: о бале, о музыке, о том, что у леди Мортимер слишком жарко натоплено, о том, что в Лидсе нынче дожди. Кроуфорд держался превосходно, и Эмма, глядя на него, думала, что он, пожалуй, был бы неплохим мужем, если бы мужей выбирали по умению вести разговор.

— Мисс Смит, — сказал он наконец, — я хотел бы вернуться к тому, о чём говорил на балу.

— Я надеялась, что вы забудете.

— Я не из забывчивых.

— Это, вероятно, полезно в делах.

— И в браке.

Эмма поставила чашку.

— Мистер Кроуфорд, я вам прямо скажу: я вам откажу.

Он не удивился. Он выслушал так, как выслушивают деловое предложение, которое не прошло с первого раза.

— Почему?

— Потому что вы не любите меня.

— Я вас уважаю.

— Это не одно и то же.

— В браке это бывает важнее, — сказал Кроуфорд. — Любовь проходит, уважение остаётся. Я видел, как живут те, кто женился по любви. Через десять лет они не могут разговаривать.

— А те, кто по уважению?

— Те не разговаривают вовсе, но и не ссорятся.

Эмма невольно засмеялась.

— Вы ужасно честны.

— Я не вижу смысла лгать человеку, с которым хочу прожить жизнь.

В дверях появился мистер Смит.

— Кроуфорд. — Он вошёл и пожал ему руку с той теплотой, какой не выказывал никому, кроме людей, полезных делу. — Вы, я слышал, собираетесь в Лидс на той неделе.

— Собираюсь, сэр.

— Зайдите ко мне перед отъездом. У меня есть дело, о котором стоит поговорить.

Они обменялись взглядами, короткими и совершенно понятными.

Эмма встала.

— Отец.

— Что, дорогая?

— Мистер Кроуфорд приехал с визитом ко мне.

— Я это понял, дорогая. — Он улыбнулся Кроуфорду. — Она всегда думает, что я не понимаю.

— Я не думаю, что вы не понимаете, — сказала Эмма. — Я думаю, что вы понимаете слишком хорошо.

Отец посмотрел на неё и перестал улыбаться. Кроуфорд деликатно смотрел на чашку.

— Мы поговорим позже, — сказал отец.

— Мы поговорим сейчас, — сказала Эмма. — Мистер Кроуфорд, простите меня. Мне нужно поговорить с отцом.

Кроуфорд поднялся, поклонился, поблагодарил за визит и вышел, и в его спине не было ни капли обиды, что было хуже любой обиды.

Отец закрыл дверь.

— Что это значит?

— Это значит, что я не хочу, чтобы вы обсуждали с ним меня в кабинете, как обсуждаете аренду.

— Я обсуждаю твоё будущее.

— Моё будущее или мои деньги?

Мистер Смит помолчал.

— Я думаю, — сказал он, — что тебе следует подумать, прежде чем говорить такие вещи.

— Я думала всю ночь.

— И что же ты надумала?

Эмма посмотрела на отца.

— Что вы никогда не спрашиваете меня, чего я хочу.

— Я спрашивал, — сказал он вдруг. — Когда ты была маленькой, я спрашивал. Ты хотела пони, потом куклу, потом снова пони. В двенадцать ты хотела быть актрисой, в пятнадцать — жить в Лондоне. Я не могу строить на этом твою жизнь.

— Разница в том, что теперь я этого не говорю.

— Теперь ты вообще ничего не говоришь. Ты смотришь на меня так, будто я должен догадаться.

Эмма отвернулась.

— Я не выйду за него, — сказала она.

— Посмотрим, — сказал отец.

Он вышел, и в голубой гостиной остался запах его сигары и белых хризантем.

Эмма ещё долго сидела у окна. За стеклом шёл мелкий дождь, а на дорожке перед домом стоял чужой экипаж: Кроуфорд не уехал, он ждал, и это было самое неприятное за всё утро.

Она велела передать, что у неё разболелась голова.

В среду Эмма поехала к Эшли.

Она сказала себе, что едет потому, что давно не была, и что подруга имеет право видеть её чаще, и что неприлично пропускать визиты из-за собственных настроений. Всё это было правдой и всё это было ложью: она ехала, потому что в доме Уэсли можно было если не увидеть Хантера, то хотя бы услышать, как о нём говорят.

Эшли ждала её в малой гостиной, у окна, с вышиванием на коленях. В комнате топили, и было душно; на подоконнике стояла чашка с недопитым чаем, вокруг неё уже расплылось бурое пятно. Эшли была в сером домашнем платье, и под глазами у неё лежали тени, которых не было месяц назад.

— Ты бледная, — сказала она.

— Все мне это говорят. Я начинаю думать, что это модно.

— Сядь. — Эшли подвинулась. — Рассказывай.

— О чём?

— О том, как к тебе ездил Кроуфорд.

Эмма села.

— Кто тебе сказал?

— Миссис Лоу сказала миссис Армитидж, а миссис Армитидж сказала моей кухарке. В этом городе кухарки знают больше викария.

— Он привозил хризантемы.

— И?

— И я ему отказала.

Эшли отложила вышивание.

— Совсем?

— Совсем.

— Почему?

Эмма посмотрела на неё. У Эшли было лицо человека, который уже знает ответ и боится его услышать.

— Потому что он мне не нравится.

— Он приличен.

— Да.

— Он из хорошей семьи.

— Да.

— Он будет о тебе заботиться.

— Будет. — Эмма помолчала. — Эшли, зачем ты это делаешь?

— Что?

— Уговариваешь меня. Ты никогда меня не уговаривала.

Эшли взяла вышивание снова и посмотрела на него, не видя.

— Потому что я боюсь, — сказала она.

— Чего?

— Не знаю. — Она подняла глаза. — В последнее время я всё время боюсь. Мне кажется, что что-то происходит, а я не понимаю что, и все вокруг понимают, кроме меня.

В гостиной стало тихо. За окном шёл дождь, и по стеклу ползли капли.

— Тебе кажется, — сказала Эмма.

— Может быть.

— Эшли.

— Нет, ты скажи мне вот что. — Эшли отложила вышивание уже совсем. — Ты могла бы выйти за Кроуфорда?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу.

— А кого ты хочешь?

Вопрос был простой, и Эмма почувствовала, что если ответит честно, то в этой комнате больше нельзя будет оставаться.

— Никого, — сказала она.

Эшли долго смотрела на неё.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я тебе верю.

Она сказала это так просто, что Эмме стало хуже, чем если бы она устроила сцену.

В передней послышались шаги. Хантер вернулся из конторы раньше обычного, и Эмма узнала его шаги раньше, чем он вошёл.

— Мисс Смит. — Он поклонился. — Не знал, что вы здесь.

— Я приехала к Эшли.

— Это я понял.

Он был в том же серо-зелёном сюртуке, что и на балу, только без перчаток, и в руке у него была папка с бумагами.

— Ты рано, — сказала Эшли.

— Дела кончились.

— Хорошо. Тогда садись, я велю подать чай.

Она вышла, и Эмма осталась с ним в комнате, при открытой двери, и на этот раз у неё не было ни веера, ни бокала, ни повода смотреть в сторону. Он стоял в трёх шагах; на лацкане сюртука, там, где он прижимал папку, остался светлый след от бумаги. Он был без перчаток, и руки у него были не такие, как у Кроуфорда: широкие, с коротко остриженными ногтями и свежей ссадиной на костяшке.

— Вы уехали с бала раньше всех, — сказала она.

— Не раньше всех. Раньше вас.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказал Хантер. — Это значит, что я смотрел, как вы садитесь в экипаж, а потом стоял на ступенях ещё десять минут, потому что не мог войти обратно.

Эмма сжала пальцы, чтобы не потянуться и не поправить ему воротник, который стоял неровно.

— Зачем вы мне это говорите?

— Потому что вы меня спросили на балу, и я ответил «нет». Я ответил неправду. — Он положил папку на стол. — Я хотел сказать вам совсем другое, и я не смог, потому что там были люди.

— А здесь?

— Здесь тоже люди. — Он посмотрел на открытую дверь. — Просто они дальше.

В коридоре послышался голос Эшли, которая распоряжалась насчёт чая.

— Приходите сегодня вечером к отцу, — сказала Эмма быстро. — С бумагами. Он будет в кабинете до восьми.

— Зачем?

— Затем, что в моей библиотеке двадцать лет не менялись книги, и мне нужно кому-то об этом сказать.

Хантер посмотрел на неё и, кажется, впервые за весь месяц улыбнулся по-настоящему.

— Я приду, — сказал он.

Эшли вернулась с подносом, и они пили чай втроём, и говорили о погоде, о том, что рано начались дожди, и о том, что в Брайтоне, наверное, сейчас лучше.

А потом Эмма уехала домой и весь остаток дня не находила себе места.

Он пришёл в четверть восьмого.

Эмма слышала из своей комнаты, как в передней приняли шляпу, как мистер Браун сказал «в кабинет, сэр», как хлопнула дверь отцовского кабинета. Потом полчаса ничего не было слышно, и она успела передумать всё: что он не придёт в библиотеку, что отец задержит его до девяти, что она сидит здесь как дура, в тёмном платье, при свече, с книгой, которую не читает. Свеча оплыла и стала короче на два пальца; воск капал на медный подсвечник и застывал лепёшками. В библиотеке пахло пылью, старой кожей и остывшим камином.

В восемь дверь библиотеки открылась.

— Мисс Смит. Ваш отец сказал, что вы хотели меня видеть.

— Он так сказал?

— Он сказал: «Дочь ждёт вас в библиотеке, и я не знаю зачем».

Эмма засмеялась.

— Это очень похоже на отца.

Хантер закрыл за собой дверь и остался стоять у неё, прислонившись спиной.

— Я закрыл, — сказал он. — Если вы хотите, чтобы я открыл, скажите сейчас.

— Не хочу.

Библиотека была самая тихая комната в доме. Шкафы до потолка, тяжёлые гардины, кресло отца с продавленным подлокотником, на каминной полке часы, которые тикали с достоинством.

— У вас правда двадцать лет не менялись книги? — спросил он.

— Правда. Отец покупает их раз в год, оптом, у человека, который привозит их из Лидса. Он не читает их, но считает, что дом без книг — это дом без книг.

— А вы?

— Я читаю.

— Что?

— Всё, что здесь есть. — Эмма обвела рукой полки. — В шестнадцать лет я прочла всего Вальтера Скотта и решила, что выйду замуж за человека, который будет говорить со мной о книгах.

— И?

— И познакомилась с Кроуфордом.

Хантер улыбнулся. Потом перестал.

— Эмма. — Он отошёл от двери. — Я должен вам сказать то, что не сказал на балу.

— Скажите.

— Я не могу больше смотреть, как вы танцуете с ним.

— Это всё?

— Нет. — Он остановился в двух шагах. — Я не могу больше приезжать в дом, где вы бываете, и разговаривать о погоде. Я не могу больше слушать, как моя жена говорит о вас с любовью, и соглашаться с ней. Я не сплю. Я плохо работаю. Мой компаньон вчера спросил, всё ли у меня дома в порядке.

— И что вы ответили?

— Что дома всё в порядке.

Эмма смотрела на него и чувствовала, что у неё дрожат руки, и что книга, которую она держала, давно уже не книга, а просто предмет, за который можно держаться. Переплёт был холодный, ладони под ним горячие, и на корешке остался тёмный след от пальцев. В горле у неё стучал пульс.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что вы должны знать, что я не просто так смотрю на вас через зал.

Он подошёл и взял у неё книгу.

— Эмма.

— Не надо.

— Чего не надо?

— Называть меня так, — сказала она, и голос у неё сорвался. — Вы не имеете права.

— Имею, — сказал Хантер. — Я имею право на всё, чего не могу себе позволить, и вы это знаете.

Он поцеловал её.

Это было не так, как в её воображении, где всё было красиво и легко. Он взял её лицо в ладони, и ладони оказались тёплые и шершавые; поцелуй был сначала осторожный, будто он спрашивал разрешения, а потом уже нет. У него сбился вдох. Она почувствовала вкус чая и что-то горьковатое, и услышала, как за окном идёт дождь, как на каминной полке тикают часы и как книга падает на пол, никем не пойманная. Она ответила ему прежде, чем успела решить, что ответит, и держалась руками за его сюртук, за шерсть, за то место, где под ней было плечо. Когда он хотел отступить, она не отпустила.

— Ещё, — сказала она.

Это вышло тихо и хрипло, и она сама не узнала свой голос.

Он поцеловал её второй раз, короче и крепче, и она подалась за ним, когда он отстранился, и остановила себя уже в движении.

— Я люблю вас, — сказал он. — Я говорю это не для того, чтобы вы что-то сделали. Я говорю, потому что больше не могу не говорить.

Эмма стояла и молчала.

— Скажите хоть что-нибудь, — проговорил он.

— Я не знаю, что сказать.

— Скажите, что я не один.

Она посмотрела на него.

— Вы не один.

Хантер закрыл глаза. Он взял её руку и поднёс к лицу, и она почувствовала на пальцах его дыхание, тёплое и неровное.

— Тогда у меня есть ещё одна вещь, которую я должен сказать, и она хуже первой.

— Говорите.

— Я не могу развестись. — Он сказал это ровно, как человек, который репетировал и всё равно не привык. — В этом городе развод — это не скандал. Это конец. Для Эшли, для её матери, для её сестры. И для вас тоже, потому что тогда всё, что скажут, будет про вас.

— Я знаю.

— Я хочу, чтобы вы были со мной. — Он смотрел на неё. — Не завтра, не через год. Так, как это возможно. Тайно.

В библиотеке стало очень тихо.

— Тайно, — повторила Эмма.

— Да.

— Вы просите меня стать вашей любовницей.

— Я прошу вас быть со мной.

— Не будем играть словами, — сказала она. — Вы просите меня жить так, чтобы об этом не знал никто, кроме нас двоих. Приходить к вам по вечерам, когда ваша жена у своей матери, и уходить утром. Лгать Эшли в лицо, глядя ей в глаза. Лгать всем, кто меня о чём-нибудь спросит, до конца жизни.

— Я не могу дать вам большего.

— Я знаю, что не можете. — Она отошла к окну. — Я не об этом. Я о том, как вы это сказали.

Хантер молчал.

— Вы сказали: «так, как это возможно». Вы не спросили, чего хочу я. Вы решили, что если я вас люблю, то соглашусь, и что ваша любовь — это достаточная плата за то, что мне придётся отдать.

— Это не так.

— Это так. — Эмма повернулась. — Вы думали всю неделю. Вы всё взвесили. Вы нашли единственный способ, при котором вам не придётся ничего терять, и предложили его мне.

— Я теряю Эшли.

— Вы её уже потеряли. Вы сказали ей, что любите меня?

Он помолчал.

— Нет.

— Вот и всё.

— Эмма.

— Уходите, — сказала она. — Пожалуйста, уходите.

Он не двинулся.

— Я не могу вас в этом упрекать, — проговорила она, и голос у неё был ровный, потому что она держала его изо всех сил. — Я знаю, что вы не свободны. Я знаю, что для вас нет другого выхода. Но вы предложили мне не выход, а место. Место, которое у вас есть.

Хантер взял шляпу.

— Я не хотел вас оскорбить.

— Я знаю.

— Я приду завтра, если вы позволите.

— Не приходите.

Он остановился в дверях.

— Вы это серьёзно?

— Я это серьёзно, — сказала Эмма. — И я вас прошу: не приезжайте в те дома, где бываю я. Не смотрите на меня. И не говорите мне больше ничего.

Он вышел.

Эмма постояла в библиотеке, прислушиваясь, как он идёт по передней, как открывается и закрывается дверь, как мистер Браун говорит «добрый вечер, сэр».

Потом села в кресло отца и долго смотрела на часы на каминной полке.

Она ждала, что почувствует себя правой. Она всю жизнь после каждого разговора чувствовала себя правой.

Права она не чувствовала. Она чувствовала только, что он вышел из этой комнаты, и что теперь ей придётся жить дальше, зная, как он целуется. Губы у неё ещё горели, и на шерсти платья остался его запах, который не снимался, сколько она ни тёрла рукав ладонью.

Глава 4. Сочельник.

Первую неделю Эмма ждала, что он придёт.

Она не признавалась себе в этом. Она говорила себе, что рада тишине, что всё кончилось так, как должно было кончиться, и что человек, предложивший женщине стать его тайной, не заслуживает ни второго разговора, ни объяснений.

А потом садилась у окна и смотрела на дорогу.

Он не приезжал. Он не появлялся у Холлов, не бывал у Форстеров, не приходил к отцу с бумагами: бумаги снова носил клерк, мальчик с прыщами, который кланялся от двери и не поднимал глаз.

В воскресенье Эмма увидела его в церкви.

Церковь Святого Андрея выстыла за ночь: камень под подошвами держал холод, и викарий говорил быстрее обычного, будто спешил уйти в ризницу. Эмма держала молитвенник и смотрела прямо перед собой, а спиной, затылком, кожей под воротником чувствовала, где в третьем ряду слева стоит человек, который не оборачивается.

Он стоял на своём месте, в третьем ряду слева, и не обернулся ни разу: ни до службы, ни после, когда все выходили и здоровались на паперти. Он прошёл мимо неё с Эшли под руку и сказал: «Доброе утро, мисс Смит», — ровно, вежливо, как говорят с женой приказчика.

Эмма ответила так же ровно.

Дома она поднялась к себе и села на кровать, не снимая шляпы, и просидела так, пока не пришла горничная спросить, будет ли она к обеду.

— Будет, — сказала Эмма.

Она подумала: «Он послушался».

В этом «послушался» было столько обиды, что она испугалась сама себя.

В ту неделю она много чего передумала.

Он дурной человек, думала она. Человек, который говорит жене одно, а подруге её — другое, и делает это так складно, что обе верят. Человек, который предлагает женщине жить в тени и называет это любовью. Человек, который знает, что она одна в этом городе, что за ней смотрят, что у неё нет ни матери, ни отца, с которыми можно посоветоваться, и всё равно приходит вечером в её дом и просит.

Всё это было правдой. Всё это было так правдой, что к четвергу она почти поверила.

А в четверг вечером она поймала себя на том, что сидит в гостиной с книгой и слушает, не звонят ли в передней.

Никто не звонил.

Она закрыла книгу и пошла наверх, и в зеркале на лестнице увидела женщину, которая стареет от ожидания.

— Довольно, — сказала она ей.

На другой день она велела подать экипаж и поехала к Эшли. Это было почти неприлично: после всего, что было, ехать в тот дом, где живёт он, и пить чай в той гостиной, где он подавал ей папку с бумагами. Но не ехать было ещё неприличнее, и все бы это заметили.

Эшли встретила её как всегда: обрадовалась, обняла, повела в зимний сад, где папоротники стояли в тех же горшках, а за стеклом лежал мокрый ноябрьский сад.

Хантера дома не было.

— Он в Лидсе, — сказала Эшли. — Уехал в среду, вернётся в субботу. Дела.

— Надолго?

— Я не спрашивала.

Они сели, и Эшли налила чай, и Эмма вдруг заметила, что у подруги под глазами тени, а на вышивании, которое лежало на столике, распущено полстёжка.

— Ты плохо спишь? — спросила она.

— С чего ты взяла?

— У тебя лицо.

— У меня всегда лицо.

— Эшли.

Та посмотрела на неё и вдруг отставила чашку.

— Эмма, скажи мне правду.

В зимнем саду было тепло и влажно, как всегда, и пахло землёй из горшков. На стекле изнутри оседала испарина, и за ней мокрый сад расплывался, терял ветки. У Эммы зачесались руки в перчатках, и она их сняла, чтобы не сидеть в них за столом.

— О чём?

— О моём муже.

Эмма не отвела глаз. Это оказалось легче, чем она думала, и от этой лёгкости ей стало противно.

— Что ты хочешь услышать?

— Правду.

— Между нами ничего не было.

Это была ложь, и она сказала её спокойно, с той самой интонацией, с какой люди говорят правду: чуть устало, чуть обиженно, глядя в глаза.

Эшли долго смотрела на неё.

— Хорошо, — сказала она. — Я тебе верю.

— Спасибо.

— Не благодари. — Эшли взяла чашку снова. — Я верю тебе потому, что мне нужно верить хоть кому-то. Это не то же самое, что правда.

Эмма ничего не ответила.

Домой она ехала и думала, что ложь оказалась легче, чем она ожидала, и что это, вероятно, самое скверное из всего, что случилось за месяц.

Кроуфорд приехал в субботу.

Он привёз не хризантемы, а книгу: новый роман, о котором говорили в Лондоне, в переплёте с золотым обрезом.

— Вы говорили, что любите читать, — сказал он. — Я решил, что цветы вы получаете от всех.

— От кого, например?

— От меня. Три раза.

Эмма засмеялась.

— Вы становитесь дерзким.

— Я становлюсь отчаянным. Разница в том, что отчаянный человек не боится показаться смешным.

— И вам это идёт.

Кроуфорд просиял.

Он пробыл час, и за этот час ни разу не заговорил о женитьбе. Он говорил о книге, о Лидсе, куда ездил по делам, о том, что там теперь ставят телефоны в конторах, и что через десять лет их поставят и здесь.

— Вы поэтому так много работаете? — спросила Эмма. — Чтобы через десять лет?

— Я работаю, потому что у меня нет выбора, — сказал он. — Мой отец оставил мне долги и хорошее имя. Имя я ношу, долги плачу.

— И женитесь на деньгах.

Он не обиделся.

— Я женюсь на вас, — сказал он. — Деньги — это обстоятельство.

— Это удобное слово.

— Это честное слово. — Он посмотрел на неё. — Я не притворяюсь, что умру без вас. Я умею жить один и, вероятно, прожил бы неплохо. Но с вами я буду жить лучше, и я готов за это платить — тем, что вы будете получать от меня всё, что я могу дать.

— А если я никогда не полюблю вас?

— Тогда я буду жить с человеком, который меня уважает, — сказал Кроуфорд. — Это больше, чем у большинства моих знакомых.

Мать, которая вошла в эту минуту с письмом в руке, услышала последнюю фразу и посмотрела на Эмму так, как смотрят на человека, который собирается совершить ошибку, и не знают, какую именно.

Когда он уехал, мать сказала:

— Он мне нравится.

— Я знаю.

— Ты позволишь ему приезжать ещё?

Эмма стояла у окна и смотрела, как его экипаж поворачивает за угол.

— Позволю, — сказала она.

К Рождеству город считал их парой.

Это случилось без объявления: просто миссис Лоу перестала спрашивать, что Эмма думает о мистере Кроуфорде, и стала спрашивать, что она наденет к её приёму, а миссис Холл за крокетом сказала: «Вот увидите, к весне у нас будет свадьба», — так громко, чтобы Эмма услышала.

Эмма слышала.

Кроуфорд приезжал по вторникам и субботам. Он привозил книги, потом конфеты, потом, один раз, — маленькую брошь с гранатом, которую Эмма не взяла и которую он на следующий день привёз снова и оставил на столике в гостиной, потому что «это не подарок, а просто вещь, которая лежала у меня без дела».

Он был внимателен в том, что касалось мелочей: замечал, что она не любит шампанское, что у неё мёрзнут руки, что она не выносит, когда при ней говорят о детях. Он запоминал всё и никогда не хвалился тем, что запомнил.

С ним было спокойно.

Эмма говорила себе, что спокойствие — это то, что нужно женщине двадцати пяти лет, у которой нет ни титула, ни состояния, ни намерения жить в девках до сорока.

К середине декабря она поняла, что с ним спокойно потому, что с ним не надо быть собой.

Она могла молчать и выглядеть умной. Она могла говорить о книгах, о которых он имел представление, и о людях, которых он не знал. Она могла быть той Эммой Смит, которую все знали: остроумной, уверенной, чуть насмешливой. Он не искал под этим ничего другого.

Хантер искал. Хантер смотрел на неё и видел, когда она злится, когда боится, когда говорит не то, что думает. С Хантером нельзя было быть спокойной, потому что с ним нельзя было притворяться.

Хантер вернулся из Лидса в субботу, и в воскресенье Эмма снова увидела его в церкви.

На этот раз он обернулся.

Он смотрел на неё через два ряда, поверх чужих шляпок, и во всём его лице было только одно выражение, которое она не смогла бы назвать, если бы её разбудили ночью. Она почувствовала этот взгляд кожей раньше, чем увидела: шея стала горячей, и пришлось опустить глаза на молитвенник, где строки прыгали.

Она отвернулась первой.

После службы, на паперти, он подошёл к ней. Это было неразумно: рядом стояли миссис Лоу с дочерьми, викарий, семейство Фелпс.

— Мисс Смит. — Он поклонился. — Поздравляю вас.

— С чем?

— С тем, что мистер Кроуфорд теперь бывает у вас дважды в неделю. В городе говорят, что это почти помолвка.

Эмма посмотрела на него.

— В городе говорят много чего.

— Я знаю, — сказал Хантер. — Я слышу это каждый день.

Он говорил ровно, вежливо, и улыбался, и миссис Лоу, наблюдавшая за ними, вероятно, сочла это светской беседой.

— Вы просили меня не смотреть на вас, — сказал он. — Я не смотрел. Вы просили не приезжать. Я не приезжал. Я месяц выполнял всё, о чём вы просили, и за этот месяц вы успели сделать предложение этому человеку?

— Он не делал предложения.

— Но вы позволите ему.

— Это вас не касается.

— Да, — сказал Хантер. — Не касается.

Он поклонился и отошёл к Эшли, которая ждала его у выхода, и подал ей руку.

Эмма стояла на паперти с молитвенником в руках и чувствовала, как у неё горят щёки.

Вечером она сказала матери, что мистер Кроуфорд может приезжать трижды в неделю, если ему угодно.

Мать посмотрела на неё внимательно.

— Это из-за чего-то?

— Это из-за того, что я решила.

— А, — сказала мать. — Тогда хорошо.

И, выходя из комнаты, добавила:

— Только не выходи за него из-за того, что ты решила. За него надо выходить из-за него самого.

Эмма осталась одна.

Впервые за месяц ей захотелось поговорить с кем-нибудь, кто не стал бы её укорять, кто не стал бы её жалеть и кто не сказал бы, что она всё делает правильно.

Такого человека в Хьюстоне не было.

В сочельник Форстеры давали приём.

Зал был украшен остролистом и ветками плюща, у камина стояла ёлка, каких в Хьюстоне ещё не видывали, и миссис Форстер весь вечер рассказывала, сколько за неё заплатила и как её везли из Лидса. Свечи на ветках были зажжены, от них шло смолистое тепло, и хвоя сыпалась на ковёр; кто-то уже подметал её в углу. Пахло горячим воском, апельсинами с гвоздикой и мокрой шерстью: гости приносили с улицы снег на плечах.

Эмма приехала с родителями. Кроуфорд ждал их в дверях, как жених, и это заметили все.

— Мисс Смит. — Он подал ей руку. — Вы сегодня…

— Не надо, — сказала Эмма. — Вы сегодня уже дважды говорили мне комплименты, а вечер только начался.

— Я экономлю. Дальше буду говорить их по одному.

Она засмеялась и взяла его под руку.

Хантер и Эшли приехали позже. Эшли была в бордовом, с брошью у воротника, и выглядела усталой; Хантер — в том же спокойствии, которое Эмма теперь ненавидела, потому что знала, чего оно стоит.

Они раскланялись. Всё было прилично.

Кроуфорд увёл её к окну.

— Мисс Смит, я хотел сказать вам одну вещь, и я скажу её коротко, потому что длинные речи в этом городе никого не убеждают.

— Слушаю.

— В январе я собираюсь поговорить с вашим отцом.

Эмма посмотрела в зал, туда, где Хантер стоял рядом с женой и слушал какого-то пожилого господина.

— Хорошо, — сказала она.

Кроуфорд замолчал.

— Хорошо? — переспросил он.

— Да.

— Вы уверены?

— Я сказала «хорошо», — проговорила Эмма. — Не заставляйте меня повторять, иначе я начну думать.

Кроуфорд взял её руку и поцеловал перчатку, и это было единственное движение за весь вечер, в котором не было расчёта.

— Я не подведу вас, — сказал он.

— Я знаю.

Ей стало так тошно, что она попросила проводить её на террасу.

На террасе было холодно и тихо. Двери за стеклом светились, оттуда доносилась музыка, глухая, будто из другой комнаты; в углу стояли сложенные стулья, и снег лежал на перилах ровным слоем, не тронутый ничьей рукой.

Эмма стояла и дышала. От дыхания в воздухе оставался пар, и он сразу таял. Платье, нагретое в зале, остывало на плечах, и она обхватила себя руками.

Дверь открылась.

— Вам не следует здесь стоять. Вы простудитесь.

Хантер.

— Уходите, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я выйду через минуту, и в зале решат, что я вышел покурить. — Он подошёл и встал рядом, у перил, так близко, что от сюртука шло тепло. Под его сапогами скрипел снег. — Я слышал, Кроуфорд в январе пойдёт к вашему отцу.

— У вас превосходные осведомители.

— Мне сказал ваш отец. Он доволен.

Эмма молчала.

— Вы его не любите, — сказал Хантер.

— Это не имеет значения.

— Имеет.

— Для кого? — Она повернулась так резко, что перчатка соскользнула с перил и упала в снег. — Для вас? Вам будет легче, если я выйду за человека, которого не люблю, чем если я выйду за человека, которого полюблю?

— Мне не будет легче.

— Тогда зачем вы это говорите?

Хантер смотрел на неё.

— Потому что вы стоите на террасе в сочельник с лицом человека, которого ведут на эшафот, и потому что я не могу на это смотреть.

— Вы месяц не смотрели, как я велела. — Эмма сказала это тише, чем хотела. — Вы всё делали, как я велела. Вы не приезжали. Вы не смотрели. Вы здоровались со мной на паперти так, будто мы едва знакомы. Я вас об этом просила?

— Да.

— Я просила не смотреть. Я не просила забыть.

В зале играли вальс. За стеклом были видны пары, свечи, ёлка.

— Эмма.

— Не надо.

— Скажите мне остановиться, — проговорил Хантер. — Скажите сейчас, и я больше никогда не подойду к вам. Я не приду в январе, не приду в феврале, не приду на вашу свадьбу.

Она посмотрела на него.

Всё, что нужно было сказать, стояло у неё в горле: остановитесь, не приезжайте, не смотрите, я не могу без вас. И хуже всего было то, что она не хотела уходить с этой террасы. Она хотела стоять здесь, на морозе, пока у неё не замёрзнут зубы, и чтобы он стоял рядом, и чтобы это длилось дольше, чем позволяют приличия.

— Нет, — сказала она.

Хантер закрыл глаза.

— Нет? — переспросил он.

— Нет, я ничего вам не скажу.

Он снял с перил перчатку, которую забыл кто-то из гостей, и положил её обратно; их руки почти встретились, и от его руки шёл жар, который она почувствовала даже через собственную перчатку.

— Тогда я скажу, — проговорил он. — Вы делаете это, чтобы я пришёл и остановил вас. Чтобы я оказался тем, кто вас спас. Я не спасу вас, Эмма. Я могу только испортить вам жизнь, и вы это знаете лучше меня.

Он вернулся в зал.

Эмма осталась на террасе, и холод пробирался через платье, и она стояла там, пока не замёрзли руки. Всё это время она чувствовала на виске его дыхание, хотя он уже ушёл, и знала, что не станет вытирать это место платком.

Потом вернулась в зал, улыбнулась Кроуфорду и сказала, что вечер превосходный.

Глава 5. Слово.

Кроуфорд пришёл говорить с отцом во вторник, в начале января.

Эмма знала, что он придёт: он предупредил её запиской, короткой и деловой, как предупреждают о визите доктора. «Мисс Смит, я буду у вашего отца во вторник в три. Надеюсь, что смогу сообщить вам что-нибудь приятное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.